

УДК 94(57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.379-390

ИСЛАМ В ТОМСКОМ ПРИОБЬЕ ОТ XIII К XVIII ВЕКУ – ОТ ГИПОТЕЗ К РЕАЛЬНОСТИ

С.Ф. Татауров

*Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН
Омск, Российская Федерация
tatsf2008@rambler.ru*

Цель исследования: в статье рассматривается вопрос о времени распространения ислама в Томском Приобье. В данном сообщении анализируется не столько ранняя дата (XIII в.) его проникновения, сколько события, связанные с присоединением Западной Сибири к российскому государству. Политика Москвы в отношении аборигенного населения была гибкой и учитывала всю сложность этнической картины присоединенных земель. Спустя сравнительно короткое время население региона оказалось расколотым на христианский (православный) и исламский миры.

Материалы исследования: археологические комплексы этого времени свидетельствуют об этом процессе и на фоне ограниченного количества письменных источников позволяют прояснить время и место приобщения населения к новым религиям. Но необходимо учитывать все нюансы, все доступные для анализа материалы, чтобы не создать ложного представления об исторических процессах, не поддаваться желанию удревить распространение ислама в этом регионе. При определении конфессиональной принадлежности умерших нельзя ограничиваться двумя признаками, необходимо учитывать как мировые каноны ислама, так и его сибирские региональные особенности. Тоянов городок – один из известнейших памятников времени присоединения Сибири к Российскому государству. Его исследования начались во второй половине XIX в. и продолжаются в настоящее время. К сожалению, многие материалы разрознены, хранятся в разных музеях Российской Федерации и за рубежом. В основу моего сообщения легли материалы раскопок могильника Тоянов городок известного отечественного археолога М.П. Грязнова в 1924 г., хранящиеся в фонде М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Показан высокий уровень проведения раскопок и оформления полученного материала.

Результаты исследования: на основе анализа имеющихся материалов делается вывод – данный памятник нельзя считать «одним из самых ранних памятников ислама в Нижнем Приобье», это – могильник домусульманского периода. Соответствующая ситуация и с распространением этой религии в данном регионе – при возможности его проникновения еще в XIII в., формирование мусульманских общин происходит только в XVII в., после вхождения Западной Сибири в состав Российского государства.

Ключевые слова: Западная Сибирь, томские татары, ислам, археология, история, погребальный обряд

Для цитирования: Татауров С.Ф. Ислам в Томском Приобье от XIII к XVIII веку – от гипотез к реальности // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 379–390. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.379-390

**ISLAM IN THE TOMSK REGION OF THE OB BASIN
FROM THE THIRTEENTH TO THE EIGHTEENTH
CENTURY: FROM HYPOTHESES TO REALITY**

S.F. Tataurov

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation
tatsf2008@rambler.ru*

Abstract: Objective: The article deals with the question of the time of the spread of Islam in the Tomsk region of the Ob basin. It not only analyzes the early date of the penetration of Islam (the thirteenth century), but also the events related to the integration of Western Siberia into the Russian state. Moscow's policies toward the aboriginal population was flexible and considered the complexity of the ethnic picture of the annexed lands. After a relatively short time, the population of the region was split into two worlds – Christian (Orthodox) and Islamic.

Research materials: The archaeological complexes of this period demonstrate this process and, considering the scarcity of the written sources, allow us to clarify the time and place of the population's initiation into new religions. However, it is necessary to take into account all the nuances, and all the materials available for analysis, in order not to create a false idea of historical processes, and to succumb to the desire to push the spread of Islam in this region to a more distant past. Determination of the confessional affiliation of the deceased cannot be limited to two features, and it is necessary to consider both the global canons of Islam and its Siberian regional peculiarities. My report is based on the materials of the excavations of the Tojanov Gorodok burial ground of the famous national archaeologist M.P. Gryaznov in 1924.

Results and novelty of the research: Based on the analysis of the available materials the following conclusion is made: this site cannot be considered “one of the earliest Islamic sites in the Lower Tom basin”. It is a burial site of the pre-Muslim period. The circumstances related to the spread of Islam are as follows: although it is possible that Islam penetrated the region as early as the thirteenth century, the formation of Muslim communities occurred in the seventeenth century, after Western Siberia became part of the Russian state.

Keywords: Western Siberia, Tomsk Tatars, Islam, archaeology, history, burial rites

For citation: Tataurov S.F. Islam in the Tomsk Region of the Ob Basin from the Thirteenth to the Eighteenth Century: from Hypotheses to Reality. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 379–390. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.379-390 (In Russian)

Введение. Новые публикации томских ученых по проблемам времени и характера ислама в Томском Приобье можно только приветствовать, так как действительно научные дискуссии на научных конференциях и в публикациях практически сошли на нет [3; 2]. Следует заметить, что любая дискуссия жива, пока кормится новыми материалами, и умирает, если превращается в критиканство. Ни новых памятников, ни новых источников авторы не привели, ограничившись анализом того, как Татауров и Корусенко «скептически» отнесли к их работам и неправильно поняли их текст...

В итоге дискуссии (на настоящий момент) мы получили вывод, который фактически ее завершает: «Мы имеем дело с локальным и, вероятно, «одно-

актовым» появлением исламской погребальной традиции, которая в регионе не утвердилась, а массовое распространение ислама приходится на более поздние исторические периоды» [3, с. 1350]. Согласитесь, что при минимальном количестве памятников и погребений на них, которые с большими допусками авторы считают мусульманскими, практически на любом крупном средневековом могильнике можно выделить подобные «мусульманские» группы. Можно согласиться с тем, что в XIII в. отдельные мусульмане или группы могли проникать в этот район в качестве торговцев или при каких-то военных походах, но доказать это пока невозможно. Поэтому вопрос о времени распространения этой религии в данном районе Сибири остается открытым. Можно только пожелать авторам поиска новых памятников с реальными свидетельствами проникновения этой религии в Томское Приобье.

Обсуждение. Вопрос о времени появления мусульман в таежных районах Западной Сибири достаточно актуален. Его решение позволит переосмыслить многие общепринятые в настоящее время исторические положения об уровне жизни и духовной культуре населявших ее народов, понять степень вовлеченности населения в область распространения этой мировой религии и ее влияние на мировоззрение и устои обществ.

Сравнительно недавно Д.Н. Маслюженко в одной из своих работ достаточно подробно рассмотрел вопросы о времени и движущих силах распространения ислама в Западной Сибири. Он пишет, что нет оснований опускать время появления первых мусульманских групп на этой территории ранее XII в.: «наиболее ранние следы вряд ли уходят далеко за пределы XII в., когда группы кыпчаков и канглов, служившие в государстве Хорезм-шахов, принимают в Средней Азии ислам. Кочевья этих двух групп были расположены в Северном Казахстане, и их отдельные роды заходили в западно-сибирские лесостепи... Более активная политика в этом направлении связана уже с политикой сарайских правителей начала XIV в., в частности, хана Узбека, принявшего в начале своего правления ислам. Его ближайшее окружение, следуя примеру хана, также начинает переходить в новую веру и распространять ее в своих улусах, как поступали и ордынские полководцы из династии Шибанидов. ...» [10, с. 5–6]. Д.М. Исхаков указывает, что «Шибанидское государство с самого начала формирования было мусульманским ханством, а верховный правитель кочевых “узбеков” Абу-л-Хайр был настоящим мусульманином... он был предан истинной вере и по исключительной набожности относился с глубокой искренностью к улемам, муфтиям, отшельникам и благочастивым» [6, с. 150]. Но уход Абу-л-Хайра в Среднюю Азию вместе со значительной частью своих подданных фактически прервал распространение этой религии. Новым толчком исламизации сибирского населения случился уже при создании Сибирского ханства во второй половине XVI в.

Ханы сибирских тюрко-татарских государственных образований и их окружение в XV в. в той или иной степени восприняли ислам, но подавляющая часть простого населения была далека от этой религии, в первую очередь из-за отсутствия движущих сил (проводников) его распространения. В определенный момент религия стала еще больше отрывать верхушку общества от основной массы населения, ослаблять ее силу и влияние. Учитывая иноэтничность хана и его окружения, это могло стать важным фактором в борьбе с ним местной оппозиции. Поэтому хану Кучуму, уже во второй половине

XVI в. пришлось провозгласить распространение ислама одной из приоритетных задач для своего ханства. Им неоднократно приглашались духовные миссии из Средней Азии, строились новые для местного населения мусульманские культовые места «Астана», делались приоритеты для мусульман в государственных институтах ханства.

Вопрос о том, насколько население восприняло новую для себя религию, невозможен без изучения погребальных памятников этого времени. Но для этого необходимо совершенно точно знать историческую канву исследуемого некрополя и все элементы мусульманского обряда, а не ограничиваться только ориентацией и безинвентарностью захоронений. Причем следует ориентироваться на ученых, работающих с сибирскими материалами, так как сибирский ислам отличается от общепринятых догм своими допущениями, но, с другой стороны, имеет определенные маркеры, хорошо фиксируемые в археологических и этнографических материалах.

А.П. Ярков пишет: «...нужно признать: в результате адат в этих субрайонах содержал нормы, иногда противоречащие исламскому канону – ведь он формировался с учётом местных традиций. ... все далее дистанцируясь от норм, характерных для Ближнего, Среднего Востока и даже Поволжья [18, с. 116]. В связи с этим основным направлением исследований процесса исламизации населения в Сибири становится изучение данного явления. А.Г. Селезнев пишет: «... предполагается раскрыть в данном компоненте религиозной культуры явления общего, универсального характера, объединяющие религиозные общины мусульман Сибири с аналогичными общинами всего исламского мира, и явления особенные, характерные только для Сибирского региона» [9, с. 11]. Приведение в качестве примера работы исследователей по другим регионам для Сибири важны, однако не надо притягивать сибирские материалы к европейским или среднеазиатским, поскольку здесь проходила совершенно иная линия усвоения этой религии. Именно об этом предупреждает А.П. Ярков, говоря о том, что без учета всех аспектов этого процесса «мы «вооружаем» маргиналов от ислама» правом на включение этих территорий в исламский мир» [18, с. 116].

В 2020 году вышла статья Е.В. Водясова, посвященная материалам «Тоянова городка», в которой автор относит данный комплекс к «одним из самых ранних памятников ислама в Нижнем Притомье» [2, с. 101]. Я уже писал об особой роли фигуры князя Тояна и комплекса «Тоянов городок», под которым следует понимать и городище-ставку и собственно могильник [14]. На настоящий момент нет специального исследования, посвященного князю Тояну, хотя при описании Томского Приобья периода вхождения в состав Российского государства ученые многократно обращаются к этому персонажу [1; 5; 15; 16]. Князь Тоян правил своим народом в очень сложные времена, когда эуштинцы были лакомым кусочком практически для всех соседей, которые периодически совершали грабительские походы на его земли. Поэтому для спасения своих подданных он сначала пошел на поклон хану Кучуму, а после того, как тот сошел с политической арены, принял подданство русского государя. Но и это не всегда спасало местное население от набегов чатов, калмыков и др. Как пишет З.Я. Тычинских, две трети томских татар (300 человек) под руководством князя Тояна были на русской военной службе [16, с. 140]. Кем был по своему вероисповеданию Тоян – неизвестно, для хана

Кучума он мог принять мусульманство, для русского царя стать православным, это вполне было в духе того времени.

Могли быть среди подданных князя Тояна мусульмане? Вполне, причем ислам мог придти в Томское Приобье несколькими путями. Н.А. Томилов пишет о том, что, возможно, часть томских татар переселилась с Иртыша [15, с. 189], с территорий, где мусульманство распространялось среди тюркоязычного населения раньше всех других районов. Эуштинцы могли познакомиться с этой религией от бухарцев. З.Я. Бояршинова пишет о том, что эуштинцы развивали торговые связи «...с бухарцами, привозившими товар из среднеазиатских городов [1, с. 57], а именно бухарцы участвовали в появлении первой мусульманской общины в Томске (так же, как и в других русских сибирских городах). Поэтому на могильнике «Тоянов городок» могли быть мусульманские захоронения, тем более есть и нужная ориентация у части могил и отсутствие в некоторых из них сопроводительного инвентаря. Но, на мой взгляд, данный могильник нельзя относить к «ранним памятникам ислама»...

К большому сожалению, в статье не использованы архивные материалы по этому памятнику, хранящиеся в фонде М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского [13]. В отличие от отчета о раскопках 1924 года, хранящегося в музее Томского государственного университета, в данном архиве есть прорисовки всех могил и инвентаря с описаниями (рис.1). В данной статье я подробно останавлиюсь на одном захоронении, а именно на кургане 36, которое отнесено к мусульманским. Отметим, что есть определенные разночтения этих материалов, как с отчетом, так и с публикацией его Л.М. Плетневой [11].

Л.М. Плетнева выделила семь признаков в захоронениях, которые позволяют этот могильник соотнести с Тискинским, Пичангским, Балагачевским, Остяцким и другими памятниками этого региона, и вместе с Л.А. Чиндиной отнести их к одному из видов селькупского погребального обряда [11, с. 67; 17]. Ни один из этих признаков никоим образом не может быть соотнесен с погребальным обрядом мусульман. Более того, все они противоречат ему, давайте разберем все эти признаки по порядку.

1 признак – в могильнике погребались умершие всех половозрастных групп. Исследования погребальных памятников XVII–XVIII вв. в Тарском Прииртышье показали достаточно строгую упорядоченность планиграфии расположения могил по семейно-родовому и половозрастным принципам. На основании чего стало возможным вывести тезис о сохранении у тюркоязычных групп этого района традиции захоронений по этому принципу практически до настоящего времени [8]. В рассматриваемой статье не уделено внимание половозрастному делению погребений, поэтому в приведенную им таблицу попали мужчины, женщины и дети, а при анализе погребального обряда могильника необходимо учитывать категории умерших. Так, например, материалы по детским захоронениям Тояновского могильника у М.П. Грязнова дают следующую информацию: всего исследовано 11 детских погребений, из которых 10 располагались вдоль края террасы, то есть в определенной части памятника. Зафиксировано 4 ориентации могил – от северо-западной до южной. В 6 погребениях есть сопровождающий инвентарь, в 5 нет. То есть какого-то канона для детских захоронений выделить нет возможности и поэтому говорить, что дети похоронены по мусульманскому обряду нельзя.

2 и 3 признаки – могилы мелкие и поверхностные погребения. Такие погребения характерны для таежного населения Западной Сибири и для тюркоязычных групп южной тайги и лесостепи до середины XVII в. Для более поздних погребений сибирских татар мы фиксируем погребения в могильных ямах. Для Тарского Прииртышья характерны ямы глубиной от 0,3 до 0,7 м. С распространением подбоев в могилах, что является безусловным признаком мусульманских захоронений, глубина еще увеличивается.

4 признак – берестяная подстилка и покрывало. В статье не уделено внимание использованию бересты в погребальном обряде. Подстилки и перекрытия сохранились в 11 погребениях, но возможно они были и в могилах с трупопожжениями. Береста используется в погребальном обряде в этот период практически у всего населения таежной зоны Западной Сибири, использовали ее и сибирские татары, но в меньшем количестве.

5 признак – положение умерших на спине с вытянутыми руками. Автор анализируемой статьи выделил курган 46, где погребенный лежит не совсем в обычной позе: «Доворот тела на левый бок, колени согнуты, левая рука над головой, правая рука на животе» [2, с. 104]. На самом деле это курган 49. Почему это погребение отнесено к мусульманским, неясно...

6 признак – ориентация преимущественно юго-восточная (в Тояновом городке преобладает юго-юго-восточная). Здесь следует отметить, что есть еще одно несоответствие в описании ориентации погребений. На могильнике «Тоянов городок» достоверно известно всего одно погребение (курган 1) с северо-западной ориентировкой без соблюдения киблы, содержащее инвентарь [4, с. 73; 2, с. 104]. В действительности северо-западная ориентация помимо кургана 1 зафиксирована в курганах 6, 8, 9. В Тарском Прииртышье северо-западная ориентация погребений является одной из приоритетных, и именно эта ориентация характерна для мусульманских погребений [12, с. 124].

7 признак – имеется сбруя. На мой взгляд, наличие конской упряжи в захоронениях – признак, скорее, относящийся к тюркскому миру. Его анализировать для данной статьи нет смысла, так как наличие инвентаря не является препятствием для выделения мусульманских погребений.

Есть еще моменты, на которых следует остановиться.

Анализ рисунков погребений позволяет опровергнуть тезис о том, что «...ни одного надмогильного деревянного сооружения на археологических могильниках Томского Приобья не сохранилось, а найденные фрагменты не позволяют реконструировать их первоначальный вид [2, с. 101]. В 4 курганах – 29, 32, 34, 37 погребения «накрыты накатами» из 3–5 бревен, но на разрезе этих накатов видно, что бревна лежат не горизонтально, а представляют собой трапецию. Некоторые из сооружений сильно обуглены. Такие надмогильные конструкции зафиксированы на могильниках XVII–XVIII вв. в Тарском Прииртышье и хорошо описаны М.А. Корусенко [7]. Надмогильное сооружение поджигалось и затем забрасывалось землей.

Почему-то не принят во внимание еще ряд данных, отмеченных М.П. Грязновым. Во-первых, это наличие или имитация огня в погребальном обряде. Для кургана 29 ученый применил термин сожжение и такую же ситуацию отметил в 20, 34, 37 и 39 курганах. Еще в 20 курганах он отметил присутствие огня в виде обгоревшего дерева и бересты или наличия угольков на костях и в насыпи. Трупосожжение умершего на стороне и сменяющее его сожжение непосредственно в могиле связано с приходом в лесостепные и южнотаежные зоны Западной Сибири тюркского населения. Впоследствии огонь в погребальном обряде использовался при сожжении надмогильных сооружений и для имитации огня в виде угольков в могиле и в насыпи. Отдельные случаи трूपосожжения фиксируются и на памятниках XVI в., например, на могильнике Надеждинка IV в Тарском Прииртышье, где захоронены защитники Тунуского городка, взятого штурмом тарским отрядом весной 1595 года. Следует отметить, что М.П. Грязнов отмечал наличие огня и на других могильниках этого времени в Томском Приобье, например у д. Чернильщикова (раскопки С.К. Кузнецова 1889 г.).

Есть и еще замечания, например, на рисунке 1 отмечен курган 54, которого не может быть, так как М.П. Грязновым был раскопан 51 курган. По всей вероятности это курган 24, которого на рисунке нет. Но повторюсь, проделанный мной анализ статьи Е.В. Водясова, это небольшая коррекция за счет неиспользованного материала, прежде всего архива М.П. Грязнова, а не стремление ниспровергнуть мнение автора.

В качестве примера приведем рисунок кургана 36, выполненный М.П. Грязновым (рис. 1). Есть еще отдельно лист с прорисовками вещей, но для наших целей достаточно одного. Для конца первой четверти XX в. автор раскопа на высоком профессиональном уровне провел раскопки с фиксацией курганных насыпей и захоронений с их ориентацией (по умолчанию север всегда вверх), с разрезом через центр кургана. На всех рисунках присутствует качественная прорисовка самого захоронения с внутримогильной конструкцией, положения костяка и местонахождение сопровождающего инвентаря. Нарисованы основные предметы – украшения, оружие, конская упряжь и описан материал, из которого изготовлен предмет. Как видно на рисунке, ориентация погребения не южная, а юг-юго-запад – это единственная могила в раскопках М.П. Грязнова с таким положением, еще есть только в раскопках С.К. Кузнецова 1889 г. в кургане 1. Для всех захоронений проведено определение пола и возраста умершего. В данном случае похоронен взрослый мужчина в одежде с наборным поясом, украшенным медными бляшками. В сопровождающий инвентарь входит нож и шесть наконечников стрел – 4 железных и два костяных. Интересен перстень с шестиугольной площадкой, на которой изображены соляные знаки в треугольных скобках. Это захоронение рядового жителя татарского поселения XVI–XVII вв. На мой взгляд, это погребение никак нельзя назвать совершенным по мусульманским правилам.

Заключение

Присоединение Сибири к российскому государству стало переломным моментом для аборигенного населения. Все без исключения народы в той или иной степени изменили свой образ жизни, поменяли свое место проживания, изменили структуру хозяйства, поменяли свои верования на новые религии. Еще сравнительно недавно союзники, татары и ханты подступали к стенам Чардыни, а сейчас одни стали православными, другие мусульманами и между ними пропасть. Это случилось и с населением Томского Приобья, когда религиозный раскол буквально разорвал прежние отношения. Н.А. Томилов показывает такую ситуацию у потомков эуштинских татар: «На татарском языке старики, дедушка и бабушка говорили меж собой, отец мой с ними говорил. Отец мой хорошо резал татарским языком и с эуштинцами, и с тигильдеевцами, и с приезжими татарами из России. Приезжали раньше к нам тигильдеевские и эуштинские татары, но наши за них не выходили. Они мусульманами были, поэтому браков с ними не было» [15, с. 193].

Точкой отсчета для массового распространения ислама в Томском Приобье следует считать оформление мусульманской общины в г. Томске. И мы согласны с позицией, что с середины XVII в. она стала центром по распространению этой религии среди томских татар. Об этом свидетельствуют как письменные документы, так и материалы раскопок Старого мусульманского кладбища г. Томска, где были зафиксированы захоронения с подбоями. Именно Старое мусульманское кладбище следует считать одним из первых археологических некрополей этой религии в этом регионе.

В.И. Соболев на основе исследованных мусульманских могильников определил основные признаки мусульманского погребения: подкурганное захоронение, наличие в могиле подбоев (ниш), которые в отдельных местах перекрывались жердями или плахами, отсутствие инвентаря в могилах, а так же преимущественная северо-западная ориентация погребенных [12, с. 124]. Могильник Тоянов городок не имеет ни одного захоронения, которое бы полностью соответствовало данным критериям. Количество допусков для того, чтобы считать отдельные могилы мусульманскими, превышает все допустимые пределы. Непонятно и не обращение к более ранним изданиям по погребальному обряду Тоянова городка, в которых дается этническая характеристика этого комплекса.

Исследование памятников XVII–XVIII вв. на предмет их этничности и конфессиональности без привлечения письменных источников очень сложно. Смею надеяться, что будут открыты документы, свидетельствующие о том, кто был по вероисповеданию князь Тоян и его народ, а пока следует более корректно использовать археологические данные. Материалы архива М.П. Грязнова по его раскопкам Тоянова городка в 1924 г. и по собранным ученым сведениям об исследованиях на тот момент серии могильников в Томском Приобье в настоящее время мной обработаны и в ближайшие годы будут опубликованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Издательство Томского университета, 1960. 151 с.
2. Водясов Е.В. Мусульмане «Тоянова городка» // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2020. 1 (27). С. 101–113.
3. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Первые мусульмане в Томском Приобье: гипотезы и дискуссии // Былые годы, 2018. Вып.50 (4). С. 1347–1353.
4. Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 73–89.
5. Емельянов Н.Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 90–107.
6. Исаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
7. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; Т.7)
8. Корусенко М.А., Татауров С.Ф. Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1997. Т. 2. С. 91–118.
9. Култ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А.Г. Селезнев [и др.]. М.:Изд. Дом Марджани, 2009. 216 с.
10. Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.
11. Плетнева Л.М. Тоянов Городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 65–72.
12. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) Новосибирск, Наука, 2008. 356 с.
13. Татауров С.Ф. Материалы исследований Тоянова городка М.П. Грязновым в архиве МАЭ ОмГУ // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Сборник научных трудов. Омск, «Амфора», 2012. С. 193–196.
14. Татауров С.Ф. Тоянов Городок на этнополитической карте Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 497–508. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.497-508.
15. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 276 с.
16. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 288 с.
17. Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 61–93.
18. Ярков А.П. «...сродники во всем тамошним народом содержали еще идолопоклонческое суевие» (об исламе на страницах монографии) // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 1. С. 112–119.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (644024, пр. К. Маркса, 15/1, Омск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6824-7294. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Поступила 18.02.2022 Принята к публикации 24.05.2022
Опубликована 29.06.2022

REFERENCES

1. Boyarshinova Z.Ja. *The population of Western Siberia before Russian colonization*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1960. 151 p. (In Russian)
2. Vodyasov E.V. Muslims of the “Toyan Town”. *Tomskiy zhurnal LING i ANTR=Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2020. 1 (27), pp. 101–113. (In Russian)
3. Vodyasov E.V., Zaytseva O.V. The First Muslims in Tomsk Priob'ye: Hypotheses and Discussion. *Bylye gody*, 2018. Issue. 50 (4), pp. 1347–1353. (In Russian)
4. Gryaznov M. P. The diary of the excavations of Toyanov town, made in 1924. *Iz istorii Sibiri= From the History of Siberia*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1976. Issue 19, pp. 73–89. (In Russian)
5. Emel'yanov N.F. Ethnic and numerical composition of the indigenous population of the Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries. *Iz istorii Sibiri=From the History of Siberia*. Tomsk: Izdatelstvo TGU, 1976. Issue 19, pp. 90–107. (In Russian)
6. Ishakov D.M. The Institute of the Seyids in the Ulus Dzhuchi and the Late Golden Horde Turkic-Tatar States. Kazan: Fen, 2011. 228 p. (In Russian)
7. Korusenko M.A. Funeral rites of the Turkic population of the lower reaches of the Tara River in the 17th-20th centuries: the analysis of the structure and content. Novosibirsk: Nauka, 2003. 192 p. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sociuma= Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society*; Vol. 7. (In Russian)
8. Korusenko M.A., Tataurov S.F. Planigraphy and orientation of Tatar settlements and burials in the lower reaches of the Tara River. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sociuma (kul'tura tarskih tatar)=Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society (The Culture of the Tara Tatars)*. Novosibirsk, 1997. Vol. 2, pp. 91–118. (In Russian)
9. The Cult of Saints in Siberian Islam: Specifics of a Universal / Seleznev A.G [i dr.]. Moscow: Izdatelskiy Dom Mardzhani, 2009. 216 p. (In Russian)
10. Maslzhuzhenko D.N. Activities of Sufi orders in the Tyumen and Siberian Khanates] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya= Bulletin of Tomsk State University. History*. 2015, no. 2 (34), pp. 5–9. (In Russian)
11. Pletneva L.M. The Toyanov Town (excavated by M.P. Gryaznov in 1924). *Iz istorii Sibiri=From the History of Siberia*. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1976. Issue 19, pp. 65–72. (In Russian)
12. Sobolev V.I. History of the Siberian khanates (based on archaeological materials). Novosibirsk: Nauka, 2008. 356 p. (In Russian)
13. Tataurov S.F. Materials of M.P. Gryaznov's research of Toyanov town in the archive of the MAE of Omsk State University. *VIII istoricheskie chteniya pamyati Mihaila Petrovicha Gryaznova. Sbornik nauchnykh trudov= VIII Historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov. Collection of scientific works*. Omsk: Amfora, 2012, pp. 193–196. (In Russian)
14. Tataurov S.F. The Toyanov Town on the Ethnopolitical Map of the Siberian Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 497–508. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.497-508 (In Russian)
15. Tomilov N.A. The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain at the end of the 16th century and the first quarter of the 19th century. Tomsk: Izdatelstvo TGU, 1980. 276 p. (In Russian)

16. Tychinskikh Z.A. The Service Tatars and Their Role in the Formation of the Ethnic Community of Siberian Tatars (XVII–XIX centuries). Kazan: Fen, 2010. 288 p. (In Russian)

17. Chindina L.A. About the funeral rites of the late burial grounds of the Narymskoye Priob'ye region. *Iz istorii Sibiri=From the History of Siberia*. Issue 16. Tomsk, 1975, pp. 61–93. (In Russian)

18. Jarkov A.P. "...kinsmen in all the people there still contained idolatrous superstition" (about Islam in the pages of the monograph). *Islamovedenie= Islamic Studies*. 2020, vol. 11, no. 1, pp. 112–119. (In Russian)

About the author: Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15/1, K. Marx Ave., Omsk 644024, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6824-7294. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Received February 18, 2022 Accepted for publication May 24, 2022

Published June 29, 2022